

А. Н. Полосина

Идея насилия в творчестве Л. Н. Толстого

Аннотация: несмотря на утопичность и абстрактность идеи ненасилия, ее актуализация в конце XIX – начале XX вв. во всей грандиозности, присущей лишь Л. Н. Толстому, произвела сильное впечатление на его современников, вызвав критику философов и политиков всех толков и направлений и определив условия ее признания во многих регионах мира (М. Ганди, М. Л. Кинг и др.). Словно предвидя невиданный всплеск насилия в грядущем XX в., писатель с неустанный повторяемостью трактует известную со времен античности истину в своих художественных произведениях, философских и публицистических трактатах, дневниках, письмах и устных высказываниях. Не претендуя на полное отражение темы, мы проанализируем генетические истоки неприятия насилия Толстым и эволюцию идеи непротivления злу насилieм в его художественно-философской системе.

Ключевые слова: культурология, генезис, насилie, непротivление злу насилieм, государство, власть, деньги, Церковь, христианство, нетерпимость.

Идея непротivления насилieму имеет давнюю историю. В Древней Греции ее исповедовал Сократ, убеждавший, что насилie порождает лишь новое насилie. По его мнению, «не должно ни воздавать за несправедливость несправедливостью, ни делать людям зло, даже если бы пришлось и пострадать от них как-нибудь»¹. В этом смысле Сократ оказался значительно ближе к Христу, чем самые убежденные сторонники христианского учения². К этой же идее были причастны римские стоики Эпиктет и Марк Аврелий, учившие отвечать добром на зло. Характер закона идея приобрела в заповеди Иисуса Христа: «Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»³. Наряду с другими заповедями Христа положенная в основание христианской морали, идея нашла разработку в трудах богословов и отцов Церкви (Тертуллиан, Ориген, Киприан и др.). В Новое время ее адептами, проводниками и защитниками стали мыслители разных направлений: Ла Бозе, Ламенне, Вольтер, Руссо, Г. Торо, А. Балу и др.

В России идея сопротивления насилieму одним лишь убеждением и словом, а не силой отчетливее всего выразилась в исихастской практике «умного делания», некогда воспринятой от Византии. Уход от мира, самоотречение, удаление от всего житейского помогали русскому народу переносить лишения, смотреть на мир и людей с любовью и отвращаться от всякого насилия⁴.

Идея непротivления злу насилieм нашла наиболее рельефное выражение в творчестве Л. Н. Толстого. В сознании огромного количества читателей она слилась с образом писателя, оказавшись способной временами затмевать его. Став одной из стержневых тем толстовского творчества, она всегда привлекала внимание исследователей: философов, литературоведов и историков⁵. В

статье речь пойдет о генезисе и эволюции идеи непротivления злу насилieм в творчестве писателя. Материалом для исследования послужили как его художественные произведения, так и философские и публицистические трактаты, письма, дневники и устные высказывания.

Характерное для широкой публики отождествление Толстого с «непротivленством» отчасти объясняется тем, что острое неприятие насилия в любых его формах было присуще писателю. Проблема насилия занимала его всегда: занимала как писателя — с первых произведений кавказского цикла; занимала его в 1860-х гг., когда Толстой, занявшись педагогической деятельностью, безоговорочно отверг принуждение, столь часто практикуемое в процессе воспитания и обучения. В 1880-х гг. критикую общественный строй, государственную власть и Церковь, он доходит до их отрицания (как основанных на насилie). Зло насилия многообразно и многолико, и Толстой видел его там, где обыватель видел освященные веками и традицией установления. Любое государство — зло: оно основано на организованном насилie над людьми. Государство, держащееся на насилie, отрицает христианские заповеди. Средствами насилия являются законы, принятые к исполнению государством. «За всякое неисполнение установленных узаконений неисполнители будут подвергаться побоям, лишениям свободы, даже убийству от тех людей, которые установили узаконения», — утверждает Толстой в «Рабстве нашего времени»⁶.

Деньги, по Толстому, тоже порождают насилie. В трактате «Так что же нам делать?» он пишет: «Во всех человеческих обществах, где были деньги <...>

¹ Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 105.

² Мележко Е. Д. Философия непротivления Л. Н. Толстого. Тула, 1999. С. 24.

³ Мф. 5, 39.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 37.

⁵ См.: Гессен С. И. Лев Толстой как мыслитель // Русские мыс-

лители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2002. С. 483–510; Ильин И. А. О сопротивлению злу силою // Лев Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 331–342; Трубецкой Е. Н. Спор Толстого и Соловьева о государстве // Там же. С. 386–400; Франк С. Л. Нравственное учение Л. Н. Толстого (К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г.) // Там же. С. 499–308; Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–73; Мележко Е. Д. Философия непротivления Л. Н. Толстого. Тула, 1999. ⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»); В 90 т. М., 1928–1958. Т. 34. С. 180. Дальше ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием в скобках тома и страницы.

всегда было насилие сильного и вооруженного над слабым и безоружным; а там, где было насилие, знаки ценностей — деньги, какие бы то ни было: скотина, меха, шкуры, металлы — всегда неизбежно должны были терять это значение и получать значение откупа от насилия» (25, 262).

В главе 20 трактата содержится такое его замечание: «Всякое порабощение одного человека другим основано только на том, что один человек может лишить другого жизни и, не оставляя этого угрожающего положения, заставить другого исполнять свою волю» (25, 271). Есть два способа поработить человека. Первый — «угроза убийства мечом»: «Вооруженный говорит безоружному: я могу убить тебя, как, ты видел, я сейчас сделал с твоим братом, но я не хочу делать этого, я милую тебя — во-первых, потому что мне неприятно убивать тебя, во-вторых, потому, что мне и тебе будет выгоднее работать на меня, чем быть убиту» (25, 272).

Второй способ — голод: «Пять тысяч лет тому назад <...> был изобретен Иосифом Прекрасным <...> новый, более удобный и широкий способ порабощения людей. Способ этот — тот же самый, который употребляют в новое время для укрощения непокорных лошадей и диких зверей в зверинцах. <...> Не <...> мечом, т. е. не тем, что сильный с угрозой убийства гоняет слабого на работу, но тем, что сильный, отобрав запасы и охраняя их мечом, заставляет слабого отдаваться в работу за корм. Иосиф говорит голодным: я могу заморить вас голодом, потому что хлеб у меня, но я милую вас только с тем, чтобы вы за хлеб, который я буду вам давать, делали все то, что я велю» (25, 272, 274–275).

Вопрос, постоянно задаваемый самому себе: как уничтожить насилие? 25 июня 1893 г. Толстой записывает в дневнике: насилие — «в солдате, в полицейском, в старосте, в замке, которым запирают мою дверь. Как же мне бороться с ним? Где, в чем? И вот тут-то есть люди, все живущие насилием, и борющиеся с насилием, и насилием же борющиеся с ним. <...> Для человека искреннего это невозможно. Насилием бороться с насилием, значит, ставить новое насилие на место старого. Помогать просвещению, основанному на насилии, значит, делать то же самое. Собрать деньги, приобретенные насилием, и употреблять их на помощь людей, обделенных насилием, значит, насилием лечить раны, произведенные насилием» (52, 92).

Возможно ли разорвать порочный круг насилия? В 1895 г. никаких средств для этого Толстой еще не видит: «Положение просвещенного истинным братолюбивым просвещением большинства людей, подавленных теперь обманом и хитростью насильников <...> ужасно и кажется безвыходным. Представляются только два выхода, и оба закрыты: один в том, чтобы насилие разорвать насилием, террором, динамитными бомбами, кинжалами, как делали это наши нигилисты и анархисты, вне нас разбить этот заговор пра-

вительств против народов; или вступить в согласие с правительством, делая уступки ему и, участвуя в нем, понемногу распутывать ту сеть, которая связывает народ и освобождает его. Оба выхода закрыты» (53, 6).

Вскоре, однако, он все-таки он находит выход — в идее религиозного просвещения. В мае 1901 г. Толстой записывает в дневнике: «Отыскивая причину зла в мире, я все углублялся и углублялся. Сначала причиной зла я представлял себе злых людей, потом дурное общественное устройство, потом то насилие, которое поддерживает это дурное устройство, потом участие в насилии тех людей, которые страдают от него (войско), потом отсутствие религии в этих людях, и, наконец, пришел к убеждению, что корень всего религиозное воспитание. И потому, чтобы исправить зло, надо не сменять людей, не изменять устройство, не нарушать насилие, не отговаривать людей от участия в насилии и даже не опровергать ложную и излагать истинную религию, а только воспитывать детей в истинной религии» (54, 99–100). Такой вывод, зная историю взаимоотношений писателя и Церкви, мог бы показаться странным, однако ничего странного в нем нет: речь у него идет об *истинной* религии.

В 1880 г. Толстой написал статью «Церковь и государство». Она представляла собой развитие мыслей, выраженных в записной книжке за 30 сентября 1879 г.: «Церковь, начиная с конца и до III века — ряд лжей, жестокостей, обманов» (48, 195); «Вера отрицает власть и правительство — войны, казни, грабеж, воровство, а это всё сущность правительства. И потому правительству нельзя не желать насиловать веру... Христианство насилувано при Константине — при разделении Запада и Востока. Лютеранство, кальвинизм, англиканство — всё не вера, а форма насилия. Истинны только <...> павликане, донаты, богомилы» (48, 195–196).

«В самом деле, — спрашивает Толстой, — как, зачем, кому может быть нужно, чтобы другой не только верил, но и исповедывал бы свою веру так же, как я? Человек живет, стало быть, знает смысл жизни. Он установил свое отношение к Богу, он знает истину истин, и я знаю истину истин. Выражение их может быть различно (сущность должна быть одна и та же — мы оба люди). Как, зачем, что может меня заставить требовать от кого бы то ни было, чтобы он выражал свою истину непременно так, как я? Заставить человека изменить свою веру я не могу ни насилием, ни хитростью, ни обманом (ложные чудеса)» (23, 476). Истинная вера может быть везде, только не в «государственной» вере: «Истинная вера может быть во всех <...> расколах, ересях, но наверное, не может быть только там, где она соединилась с государством. Странно сказать, но название “православная, католическая, протестантская” вера <...> значат не что иное, как вера, соединенная с властью, т. е. государственная вера и

потому ложная» (23, 481). Н. О. Лосский видел истоки этих воззрений Толстого в том, что «исторические формы враждующих между собой “видимых” христианских Церквей оттолкнули его от себя в особенности своим отношением к инославным и защитой различных видов насилия, производимым государством»⁷.

Здесь уместно привести письмо к В. Г. Черткову от 9 февраля 1888 г., в котором Толстой пишет о А. И. Герцене и о той роли, которую государство сыграло в воспитании нигилистов и «динамитчиков»: «Во-первых, это писатель, как писатель художественный, если не выше, то уж наверно равный нашим первым писателям, а во-вторых, если бы он вошел в духовную плоть и кровь молодых поколений с 50-х годов, то у нас не было бы революционных нигилистов. Доказывать несостоятельность революционных теорий — нужно только читать Герцена, как казнится всякое насилие именно самым делом, для которого оно делается. Если бы не было запрещения Герцена, не было бы динамита и убийств и виселиц и всех расходов, усилий тайной полиции и всего того ужаса правительства и консерваторов и всего того зла» (86, 121–122). Все, к чему ни прикоснется государство, оборачивается злом.

В предпринятой в 1880-х гг. критике общественного строя, основанного на порабощении большинства меньшинством, Толстого больше всего занимал вопрос о насилии, осуществляемом государственными учреждениями и лицами, представляющими государственную власть. У него и в мыслях не было изменить общественный порядок. По своим индивидуальным качествам, особенностям характера и личным целям Толстой был весьма далек от какого бы то ни было «революционаризма». Единственная форма деятельности в ситуации тотального насилия, признаваемая писателем, — *неучастие в насилии*.

Ищущий веру Толстой упрекал христиан в насилии и нетерпимости. Он не мог поверить в «церковного» Христа: слишком тяжелы были грехи Церкви против человечности, милосердия и любви к ближнему. Блаженный Августин защищал телесные наказания еретиков и наказания в школе; святой Фома Аквинский оправдывал введение смертной казни в инквизиционное судопроизводство посланием апостола Павла: «Еретика, после первого и второго вразумления, отворачайся» (Тит. 3, 10); иосифляне⁸ жгли заволжских старцев; Кальвин сжег Сервета⁹, не признавшего уче-

ние о триедином Боге; деятельность обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева реакционным православием подготовила эпоху атеизма¹⁰ и т. д.

В поисках практической помощи преследуемой секте духоборов в марте 1898 г. Толстой пишет письмо в иностранные газеты, в котором говорится о неразрешимости конфликта между государством и заповедью Христа о непротивлении злу: «Население в 12 тысяч человек христиан всемирного братства, как называют себя духоборы, живущие на Кавказе, находится в настоящее время в ужасном положении. Не входя в рассуждения о том, кто прав: правительства ли, признающие совместимость христианства с тюрьмами, казнями и, главное, войнами и приготовлениями к ним, или духоборы, признающие для себя обязательным христианский закон, отрицающий всякое насилие и тем более убийство, и потому отказывающиеся от военной службы, — нельзя не видеть, что противоречие это очень трудно разрешимо: никакое правительство не может допустить того, чтобы люди уклонялись от обязанностей, исполняемых всеми, и тем подрывали самые основы государственности; духоборы же, с своей стороны, не могут отказаться от того закона, который они считают божественным и потому обязательным в своей жизни» (71, 322).

В середине XVIII в. после продолжительной борьбы за семью протестанта Каласа Вольтер написал трактат «О веротерпимости». Почти полтора века спустя, в 1901 г., статью с таким же названием напишет Толстой, и его позиция близка вольтеровской. По Толстому, «христианская Церковь, по самому своему определению, не может хотеть употребить насилия против несогласных с нею» (34, 293). Государство не может существовать без Церкви, а Церковь без поддержки власти, поэтому она и государство «взаимно поддерживают друг друга» (34, 298). Толстой убежден, что «веротерпимым может быть только истинное, свободное христианство, не связанное ни с какими мирскими учреждениями» (34, 298). «Для того, чтобы Церковь могла считать себя веротерпимой <...> она должна быть свободна от всяких денежных влияний. “Даром получили — даром и давайте”» (34, 297). Он считал, что «до тех пор была Церковь, пока учителя терпели и страдали, а как только они стали жирны, кончилась их учительская деятельность. “Были попы золотые и чаши деревянные; стали чаши золотые — попы деревянные”, — говорит староверческая пословица» (25, 374).

Толстого всегда удручало то, что его понимают неправильно. Так, 3 августа 1898 г. он отметил в дневнике: «Я говорю, что не надо насилием противиться

⁷ Лосский Н. О. Нравственная личность Толстого // Лев Толстой: Pro et contra. С. 239–240.

⁸ Иосифляне (осифляне) — последователи Иосифа Волоцкого (и оппоненты Нила Сорского). Их доктрина строилась на теологическом обосновании возникновения государства и «божественного происхождения» царской власти, а также на утверждении преемственности Русского государства, оставшегося единственным оплотом православия после падения Константинополя.

⁹ М. Сервет (1511–1553) — испанский мыслитель, богослов, ученый, врач. Высказал идею о существовании малого круга кровообращения и предугадал его физиологический

смысл. Из-за критики христианских догматов подвергался преследованиям как католиков, так и кальвинистов. По указанию Ж. Кальвина обвинен в ереси и сожжен.

¹⁰ См.: Степун Ф. А. Религиозная трагедия Толстого // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 669.

насилию, против меня говорят, что я говорю, что не надо бороться со злом» (53, 208). Толстовскую этику ненасилия в свое время критиковал, например, русский философ-гегельянец И. А. Ильин, в книге «О сопротивлению злу силою» писавший: «Это учение узаконивало слабость, возвеличивало эгоцентризм, потакало безволию, снимало с души общественные и гражданские обязанности»¹¹. Как бы идилично, по Ильину, ни смотрелась толстовская этика, нельзя не признать, что в принципе ненасильственного сопротивления злу выражается самосознание высокого нравственного превосходства человека-труженика над своим физически еще сильным, но морально опустошенным угнетателем. В качестве аргумента в пользу толстовской концепции приведем ясно, определенно и недвусмысленно выраженные суждения, содержащиеся в дневниковых записях за 31 июля 1905 и 2 апреля 1906 гг.: «Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилием, а пассивно, неповиновением» (55, 156); «Жизнь всех народов везде одна и та же. Более жестокие, бесчеловечные, гулящие люди кормятся насилием, войною, более мягкие, кроткие, трудолюбивые — предпочитают терпеть. История есть история этих насилий и борьбы с ними» (55, 216).

Как видим, мотив насилия и *непротivления ему злом* — один из ключевых мотивов писем, дневников, всей художественно-философской системы Толстого. Между тем, первый опыт столкновения с угрозой насилия, имевший столь большие последствия, приходится на детство писателя.

Все, о чем пишет Толстой, так или иначе перекликается с его собственным жизненным опытом. Основой идеи непротivления и одним из сквозных мотивов его творчества стало пережитое им в детстве чувство «ужаса и отвращения перед всякого рода насилием» (34, 396). Речь идет о конфликте, некогда возникшем между маленьким Толстым и его французским губернатором П. Сен-Тома. В 1905 г. Толстой вспоминал (уже не помня за что, но за что-то «самое незаслуживающее наказания»), как губернатор запер его «в комнате, а потом угрожал розгой». Он все еще помнил пережитое в отрочестве «ужасное чувство негодования и возмущения и отвращения не только к St. Thomas, но к тому насилию, которое тот хотел «употребить» над своим воспитанником: «Едва ли этот случай не был причиной того ужаса и отвращения перед всякого рода насилием, которые я испытывал всю свою жизнь» (34, 396).

Мотив пережитого в детстве наказания будет сопутствовать ему в жизни и развиваться в художественном творчестве, осмысляться во внелитературных высказываниях: письмах, дневниках, устных репликах. В 1880-е гг. в связи с актуализацией религиозно-нравственной и этической направленностью творческих исканий он получил теоретическое выражение в ряде трактатов.

По мнению Е. Д. Мележко, автора замечательной монографии «Философия непротivления Л. Н. Толстого», открытие Толстым «христианской истины непротivления» явилось «результатом интуитивного прозрения», «мгновенного озарения светом истины» в 1878–1883 гг. Автор полагает, что «Толстой уже с детских лет почувствовал истину непротivления и никогда не изменял своему чувству»: «Оно как бы жило в нем с детских лет, а затем внезапно появилось на свет, как Афина из головы Зевса». Далее автор выявляет «два фактора, определивших толстовское открытие. Это его внутренний, “сердечный” выбор заповеди непротivления как некоего ключа, открывающего суть всего христианского учения. И условия жизни, в которых мыслитель оказался в конце 1870-х годов, а также история его письма к Александру III с просьбой о помиловании народовольцев 1881 г.»¹².

Думается, такой взгляд на генезис толстовского непротivления не имеет под собой достаточных оснований. Как справедливо заметил С. И. Гессен, идея «отрицания насилия в борьбе со злом была высказана им задолго до “Исповеди”, в “Войне и мире”, в педагогических статьях 60-х годов или даже еще раньше — в “Трех смертях”, “Казаках»»¹³. Идея ненасилия развивалась у Толстого давно и исподволь. Что же касается условий жизни, в которых он оказался в конце 1870-х гг., и истории его письма к Александру III, то они действительно могли сыграть роль спускового механизма, но только для того, чтобы создать ряд трактатов по этой проблематике.

В связи с этим обратимся к Толстому-художнику, чье творчество может многое прояснить. Идея ненасилия уходит своими корнями в трилогию «Детство. Отрочество. Юность» и генетически связана с конфликтом, произошедшим с Толстым и его губернатором Сен-Тома. Автобиографическая «правда», взятая из собственного детства, отражена в «Отрочестве», в главе «Затмение», где описано столкновение Николеньки Иртенъева с губернатором Сен-Жеромом. Все началось с невыученного урока, а дальше понеслось, как снежный ком. Николенька оказался в раздраженном состоянии человека, «проигравшего более того, что у него есть в кармане, который боится счесть свою записку и продолжает ставить отчаянные карты уже без надежды отыграться, а только для того, чтобы не давать самому себе времени опомниться». Это был трудный день, когда только и остается, что дерзить. На приказ Сен-Жерома идти наверх Николенька показал тому язык. Губернатор схватил его за руку, и Николенька, «не помня себя от злобы, вырвал руку» и из всех своих «детских сил» ударил его. Сен-Жером закрыл Николеньку в чулане, угрожая наказанием розгами.

¹² См.: Мележко Е. Д. Философия непротivления Л. Н. Толстого. С. 39.

¹³ Гессен С. И. Лев Толстой как мыслитель // Русские мыслители о Лье Толстом. С. 485.

¹¹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993–1998. Т. 5. С. 36–37.

Результаты ссоры: событие, заставившее его страдать, научило его думать, был сделан первый шаг к безверию, мысль о несправедливости Провидения упала на благодатную почву. Наказание Сен-Жерома «состояло в унижении»¹⁴, не в насилии. В чулане Николенька пережил угрозу наказания розгой, угрозу насилия.

Что в этом «нескладном смещении правды с выдумкой» (34, 349), как писал Толстой во «Введении» к своим «Воспоминаниям» в 1903 г., было «чистой» правдой, а что вымыслом, определить уже невозможно. Чувство обиды переживается на фоне одиночества. Николенька сидит в пыльном чулане, а рядом раздаются «детские голоса, потом смех <...> как будто никто не знал и не думал о нем». Он «не плакал, но что-то тяжелое, как камень», лежало у него на сердце. Он «снова входил в безвыходный лабиринт неизвестности о предстоящей» ему «участи, отчаяния и страха»¹⁵. В параллель к этой цитате из «Отрочества» приведем толстовскую запись в дневнике 18 июля 1852 г., где выражена этическая сущность проблемы наказания: «Наказание есть несправедливость. Возмездие не может определять человек, он слишком ограничен, — он сам человек. Наказание, как угроза, несправедливо, потому что человек жертвует верным злом сомнительному добру» (46, 135; курсив мой. — А. П.).

Мотив пережитого в детстве наказания возрождается в «Войне и мире». В диванной Наташа Ростова напомнила брату Николаю о том, как ее наказали, когда она «еще маленькая была»: «Помнишь, раз меня за сливы наказали и вы все танцовали, а я сидела в классной и рыдала, никогда не забуду: мне и грустно было и жалко было всех, и себя, и всех-всех жалко. И, главное, я не виновата была» (10, 277). Наташа переживает коллизию не столь драматично, как рефлектирующий Николенька. Она плачет, ей жалко и себя, и «всех-всех»; Николенька не плачет, но на сердце у него «что-то тяжелое, как камень». Ее наказание в том, что все танцуют, а она в классной; наказание Николеньки — в угрозе насилия. В «Войне и мире» мотив пережитого в детстве наказания сцепляется с жалостью и с воспоминанием, он переплетается с мотивом «слив», развернутом впоследствии в рассказе «Косточка».

Автобиографический «след» пережитого в детстве наказания виден в «Анне Карениной». Кити Щербацкая на немецких водах во время завтрака с родителями и гостями испытывает чувство, пережитое в детстве. Все веселило ее, «но она не могла не быть озабоченною. Она не могла разрешить задачи, которую ей невольно задал отец своим веселым взглядом на ее друзей [мадам Шталъ и Вареньку] и на ту жизнь, которую она полюбила. <...> Всем было весело, но Кити не могла быть веселою, и это еще более мучало ее. Она испытала чувство в роде того, какое испытала

в детстве, когда под наказанием была заперта в своей комнате и слушала веселый смех сестер» (18, 246). Кити переживает «серьезный душевный переворот». Она, подобно Левину, тоже пробуждается к «жизни духовной», которая «открывалась религией» (18, 235). Она «на Вареньке поняла, что стоило только забыть себя и любить других, и будешь спокойна, счастлива и прекрасна» (18, 236). Но насмешка («веселый взгляд») отца над ее новыми друзьями и ее усилиями помогать «больным и несчастным» открыла Кити, что это «все не то». Она заметила в Вареньке притворство (18, 248) и поняла, что не может жить иначе «как по сердцу», а не как Варенька, «по правилам» (18, 249). Осмысление новой нравственной ситуации происходит через «повторное переживание» (В. Дильтей) уже знакомой, однажды в детстве пережитой коллизии, связанной с наказанием.

Не вызывает сомнений автобиографическая основа первого варианта статьи о телесных наказаниях «Стыдно» (1895): «В нашем доме смотрели на телесное наказание как на что-то дикое, ужасное. <...> Нас, детей, никогда не секли, и я описал в своем “Детстве” тот испытанный ужас, когда губернёр француз предложил высечь меня» (31, 242). Детский ужас перед насилием навсегда сохранился в подсознании. Мотив пережитого в детстве наказания возрождается, видоизменяется в зависимости от контекста в художественных произведениях, он вновь переживается поздним Толстым. Только теперь нет ни обиды, ни отчаяния, ни страха, ни ропота. Все чувства переплавились в доброту. 31 июля 1896 г. он пишет в дневнике: «Жив. <...> Лежу и не могу заснуть. Сердце болит. Измучен. Слышу в окно, играют в теннис, смеются. <...> Всем хорошо. А мне тоска, и не могу совладать с собой. Похоже на то чувство, когда St-Thomas запер меня, и я слышал из своей темницы, как все веселы и смеются. <...> Надо терпеть унижение и быть добрым. Могу» (53, 105).

Мотив насилия в «Отрочестве» восходит к «Исповедям» Руссо и Аврелия Августина, содержащим сходные коллизии. Насилие в процессе обучения и воспитания не было чем-то необычным ни в конце IV — начале V в. (Августин), ни в эпоху Просвещения (Руссо), ни в XIX в. То, что в Московской 1-й гимназии, где в 1840–1842 гг. губернёр Толстого П. Сен-Тома преподавал французский язык, за плохую учебу наказывали розгами¹⁶, никого не удивляло. В первой редакции XV–XXVIII глав «Детства» княгиня Корнакова говорит о воспитании детей: «Чтобы что-нибудь сделать из ребенка, нужен страх; а чего дети <...> боятся больше, чем розги?» Иртеньев, «целуя маленькую, сухую, морщинистую руку княгини, воображал себе, очень живо, как она в этой руке держит розги и счет своих детей»¹⁷.

¹⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 1 (I). М., 2000. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 125.

¹⁶ Гобза И. О. Столетие Московской 1-й гимназии: 1804–1904. М., 1903. С. 353.

¹⁷ Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М., 1978. С. 321, 322.

Заметим, что губернатор-немец Карл Иванович тоже наказывал Николенку. Он делал это «всегда хладнокровно» и считал это «необходимой, но неприятной обязанностью»¹⁸. В первой редакции «Детства» Карл Иваныч высек Николенку ветками вербы за то, что он и братья «по какому-то случаю очень развеселились» после всенощной «в самое Вербное воскресенье»¹⁹. Наказания доброго Карла Иваныча Николенка, однако, не считал унижением, так как любил его. С Сен-Жеромом все было иначе. К «гордому, самодовольному» наставнику он «ничего не чувствовал, кроме того уважения, которое <...> чувствовал к большим»²⁰. Словом, здесь вопрос не столько в насилии, сколько в любви. Толстой смиряется с насилием, но не считает его «благом». Если оно и стало «благом», то только для его творчества.

Таким образом, история с наказанием в детстве имела большие последствия. Она стала одним из факторов, заложивших основу учения о непротавлении злу насилием, теоретическое обоснование которого началось с трактовки заповеди «не противься злу злом», была изложена в трактатах «Критика догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий», «В чем моя вера?», «Царство Божие внутри вас», «Так что же нам делать?», в статье «Церковь и государство», в «Пути жизни» и др. Спасение от насилия писатель видел в идее религиозного просвещения, в религиозном воспитании, в установлении «христианского общественного мнения» (28, 301), в неучастии в насилии (войны, революции, террор, грабежи, убийства), в непротавлении злу (насилию) насилием, в пассивном неповиновении, в «неделании».

Список литературы:

1. Гессен С. И. Лев Толстой как мыслитель // Русские мыслители о Лье Толстом. Ясная Поляна, 2002.
2. Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3.
3. Ильин И. А. О сопротивлению злу силою // Лев Толстой: pro et contra. СПб., 2000.
4. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993–1998. Т. 5.
5. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984.
6. Лосский Н. О. Нравственная личность Толстого // Лев Толстой: pro et contra. СПб., 2000.
7. Мележко Е. Д. Философия непротавления Л. Н. Толстого. Тула, 1999.
8. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990.
9. Степун Ф. А. Религиозная трагедия Толстого // Сочинения. М., 2000.
10. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): В 90 т. М., 1928–1958.
11. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М., 1978.
12. Трубецкой Е. Н. Спор Толстого и Соловьева о государстве // Лев Толстой: pro et contra. СПб., 2000.
13. Франк С. Л. Нравственное учение Л. Н. Толстого (К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г.) // Лев Толстой: pro et contra. СПб., 2000.

References (transliteration):

1. Gessen S. I. Lev Tolstoy kak myslitel' // Russkie mysliteli o L'Ve Tolstom. Yasnaya Polyana, 2002.
2. Guseynov A. A. Etika nenasiliya // Voprosy filosofii. 1992. № 3.
3. Il'in I. A. O soprotivleniyu zlu siloyu // Lev Tolstoy: pro et contra. SPb., 2000.
4. Il'in I. A. Sobr. soch.: V 10 t. M., 1993–1998. T. 5.
5. Likhachev D. S. Zametki o russkom. M., 1984.
6. Losskiy N. O. Nravstvennaya lichnost' Tolstogo // Lev Tolstoy: pro et contra. SPb., 2000.
7. Melezhko E. D. Filosofiya neprotivleniya L. N. Tolstogo. Tula, 1999.
8. Platon. Sobr. soch.: V 4 t. T. 1. M., 1990.
9. Stepun F. A. Religioznaya tragediya Tolstogo // Sochineniya. M., 2000.
10. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. («Yubileynoe»): V 90 t. M., 1928–1958. T. 34.
11. Tolstoy L. N. Detstvo. Otrochestvo. Yunost'. M., 1978.
12. Trubetskoy E. N. Spor Tolstogo i Solov'eva o gosudarstve // Lev Tolstoy: pro et contra. SPb., 2000.
13. Frank S. L. Nravstvennoe uchenie L. N. Tolstogo (K 80-letnemu yubileyu Tolstogo 28 avgusta 1908 g.) // Lev Tolstoy: pro et contra. SPb., 2000.

¹⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 1 (1). С. 132.

¹⁹ Там же. Т. 1 (19). С. 78.

²⁰ Там же. С. 283.